

АДРЕСАНТ И АДРЕСАТ В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

Аннотация: В статье рассматривается роль адресанта и адресата в диалоге с точки зрения их равноправия в процессе коммуникации, а также характеризуются случаи осуществления / не осуществления полноценного интеррогативного акта.

Ключевые слова: диалог, адресат, адресант, процесс коммуникации.

Современная лингвистическая теория характеризуется повышенным вниманием к вопросу о месте человека в общезыковой картине мира, что привело к возникновению определенного антропоцентрического направления. Однако на начальных этапах развития данной теории, в основе которой лежала концепция распределения коммуникативных ролей, исследователей интересовал, в первую очередь, говорящий, адресант, а слушающему, адресату, отводилась роль второго плана. Типична в этом отношении работа О.С. Иссерс, в которой, в частности отмечалось, что «феномен речевого воздействия связан, в первую очередь, с целевой установкой говорящего – субъекта речевого воздействия», регулирующей физическую и интеллектуальную деятельность своего собеседника [1].

Инициатором речевого акта, несомненно, является адресант, однако его успешность зависит от адресата, от того, как он проявляет себя в условиях коммуникативного творчества. Адресат является равноправным собеседником, который несет ответственность за развитие общения в определенном направлении. Коммуникативная ось, представленная оппозицией «адресант – адресат», определяет соотношение их реплик как стимула и реакции, по сути своей являющиеся равноправными. Это равноправие проявляется в том, что «иницирующая реплика адресанта задает коммуникативную направленность предстоящему общению, а окончательное развертывание ее в конкретном направлении происходит лишь после ответной реплики адресата» [2].

Адресат и адресант равноправны в процессе коммуникации и по той причине, что адресат «волен принять или отвергнуть предложенную ему программу, сдаться или оказать сопротивление, согласиться или возразить, пойти на уступку или пойти в наступление, выполнить просьбу или отказаться» [3].

Поэтому на смену «моноцентрическому» подходу приходит «полицентрический», который учитывает обе позиции на коммуникативной оси. Правы в этом отношении авторы, отмечавшие, что исследователей должны интересовать не изолированный говорящий и изолированный слушающий, «а гораздо больше: слушатель как отвечающий. Реципиент (партнер) рассматривается не как пассивное «что-то», продуцирующее ответные сигналы, а как оппонент, как равноправный субъект совместной деятельности, оценивающий текущий процесс со своих собственных позиций, решающим образом определяющий его дальнейший ход» [4].

Наиболее типичным и ярким показателем равноправия коммуникантов является структура диалога, которая, по мнению Н.Ю. Шведовой, «редко строится путем чередования прямых «лобовых» вопросов и ответов» [5]. Конечно же, в современном мире нередки случаи, когда диалог строится по прин-

* © Логинов А.В.

ципу вопрос – ответ, причем роль спрашивающего и роль отвечающего остается строго закрепленной. К таким случаям можно отнести ситуации допроса, экзамена, некоторых бытовых случаев (например, вопрос о том, как пройти в определенное место, который час и т.п.). Но подобные примеры лишь подтверждение того, что такие ситуации не являются «интересными» для обоих коммуникантов, тем более что адресат не стремится вступать в диалогические отношения. Это подтверждается еще и тем, что само положение дел не предполагает смены коммуникативных позиций. Например, – *Вы не знаете, который час? – Знаю (Не знаю). А вы?*

Постановка людей в положение адресата без их согласия вызывает подчас негативную реакцию по той причине, что расценивается ими как агрессия со стороны адресанта.

Как отмечает Т.Г. Винокур, «в идеальной форме обычного диалога два участника общения олицетворяют собой паритетные начала при переменной (и, следовательно, одинаково активной) роли и в речевой деятельности, и в восприятии речи. Языковой отбор для них в известной мере несвободен: он структурно, содержательно и экспрессивно определен составом каждой предыдущей реплики... Взаимная заинтересованность обоих участников диалога в успехе коммуникации помогает как бы равномерному распределению ответственности за нее между говорящим и слушающим, так как не только реплика, но и сам момент ее восприятия, имеющего непосредственный характер (контактный / дистантный, зрительный / слуховой) подготавливает состав следующей (ответной) реплики» [6].

Адресат является активным и активизирующим участником общения. Он не только ответственен за вектор развития «сюжета» диалога, но сам является этим вектором. Для успешного развития диалога важно не только желание адресанта знать о каком-то положении дел, но и его уверенность в том, что адресат знает по данному вопросу больше, чем он.

Изначально стимулом является предполагаемое знание адресата о чем-то, которое репрезентирует вербальную реакцию адресанта на это знание в виде вопроса, а уж затем реализуется вербальная реакция адресата в виде ответа. Т.е. определяющим моментом развития диалога является не только желание адресанта знать, но и само знание, которым располагает адресат.

Вопросительное предложение наиболее яркий маркер диалогического единства: это может быть как диалог в наиболее привычном понимании данного термина, так и внутренний монолог, построенный по образцу вопросо-ответного комплекса. Именно сочетание вопроса и ответа и формирует категорию интеррогативности. Оппозиция вопрос – ответ наиболее явно представлена на коммуникативной оси, представляющей две полярные ипостаси: на одном полюсе находится спрашивающий (адресант) с его желанием узнать что-то от кого-то, на другом – отвечающий (адресат) с его возможностью ответить или не ответить на заданный вопрос.

В постоянном диалектическом взаимодействии адресанта и адресата различают два компонента, связанные с участниками коммуникативного акта. Первый компонент определяется ориентированностью речи на адресата, прогнозированием его реакции, предвосхищением этой реакции, поддержанием внимания адресата и обозначается термином «экстравертированное речевое действие». Второй компонент – автокомментированием, ситуативным комментированием, выделением важного / неважного, подчеркиванием, уточне-

нием и т.п., которые являются проекцией адресанта в порождаемом речевом произведении, и называется «интравертированным речевым действием» [7].

В интеррогативном речевом акте соотношение концепта определенного понятия с точки зрения адресанта и концепта этого же понятия с точки зрения адресата будет следующим:

1. Концептуальное понимание предмета речи-мысли адресантом совпадает с концептуальным пониманием предмета речи-мысли адресатом. В этом случае интеррогативный акт может реализоваться.

Для осуществления дискурса между адресантом и адресатом, «перед моментом произнесения первого, или инициального, высказывания, должно существовать некоторое знание», которое является общим для всех участников коммуникации. Однако наличие этого признака не свидетельствует о том, что коммуникативный акт обязательно состоится. Кроме этого должно быть «наличие общего языкового кода», «способность к адекватной оценке дискурсивной ситуации», «осознанное желание и стремление людей вступить в языковой контакт» [8].

– *Не правда ли, что нынче весело? – сказал я тихим, дрожащим голосом и прибавил шагу, испугавшись не столько того, что сказал, сколько того, что намерен был сказать.*

– *Да, очень! – отвечала она... (Л.Н. Толстой. Детство, XXIII).*

2. Концептуальное понимание предмета речи-мысли адресантом не совпадает с концептуальным пониманием предмета речи-мысли адресатом. В этом случае реализация интеррогативного акта невозможна по определению и вследствие отсутствия речевого контакта наблюдается факт коммуникативного несогласования:

Тарелкин. Мавруша!! Разбойница – Мавруша, – где ты?

Мавруша. Чего вам?

Тарелкин. Ты понимаешь ли, верный друг Мавруша, какую я бессмертную штуку играю?

Мавруша. Чего?

Тарелкин. Нет – никогда твой чухонский мозг этой высоты не поймет... (Сухово-Кобылин. Смерть Тарелкина, 1, 2).

3. Концептуальное понимание предмета речи-мысли адресантом частично совпадает с концептуальным пониманием предмета речи-мысли адресатом. В этом случае успешность или неуспешность интеррогативного акта будет зависеть от ряда дополнительных условий:

1) Желания / нежелания адресанта и адресата вступить в коммуникативные отношения. Если оба коммуниканта заинтересованы в обмене информацией, то, с одной стороны, адресант либо уточнит свой вопрос, дав более полную интерпретацию предмета речи-мысли, либо осуществит запрос о коммуникативном восприятии (понятности / непонятности) адресатом, с другой стороны, адресат задаст ответный вопрос с целью уточнения некоторых смысловых параметров предмета речи. В случае, когда адресат негативно относится к адресанту, или когда не желает говорить правду / ложь, или в случае плохого самочувствия, или по какой-то другой причине, он все сделает для того, чтобы коммуникативный акт не состоялся.

– *Скажи мне, ну что там нового? – спросил Иван Дмитриевич. – Что там?*

– *Вы про город желаете знать или вообще?*

– Ну, сначала расскажи мне про город, а потом вообще.

– Что ж? В городе очень скучно... (А. Чехов. Палата №6, X).

А ведь в этой комнате умерла татап? – сказал Володя.

Я не отвечал ему и притворился спящим (Л.Н. Толстой. Юность, XXVIII).

– Погода к вечеру стала лучше, – сказал он. – Куда же мы теперь пойдём? Не поехать ли нам куда-нибудь?

Она ничего не ответила (А. Чехов. Дама с собачкой).

2) Расположенности адресанта и адресата на шкале социальной градации. В этом случае говорят о степени официальной дистанции. Если оба коммуниканта стоят на одной ступени социальной лестницы или хотя бы на рядом расположенных ступенях, то возможность успешного коммуникативного акта повышается. Если социальное дистанцирование значительно, то вероятность успешного коммуникативного акта сводится к минимуму. Исключение могут составить случаи пресс-конференций или выхода власти в народ. Различие в социальном положении потенциальных коммуникантов определяет и коммуникативную дистанцию между ними.

В условиях современного общества формализация общения между представителями различных социальных слоев носит особенно выраженный характер. При всем этом социальная дистанция динамична, однако нивелирование дистанцирования, как правило, является прерогативой вышестоящего участника коммуникации:

...маршал вцепился тяжелым давящим взглядом и спросил грубым низким голосом, отшибающим саму возможность думать:

– Кто – ты – такой?!

Вопрос был задан с такой непрекращаемой и угрожающей властностью за пределом хамства, что из Ольховского автоматически вылетело:

– Командир крейсера «Аврора» капитан первого ранга Ольховский!

Помимо всякого сознательного усилия ноги его сдвинулись, плечи расправились, подбородок задрался. За спиной стукнули каблуки матросов (М. Веллер. Гонец из Пизы, IV, 10).

3) Темпоральной синхронизации / рассинхронизации адресанта и адресата. Темпоральная рассинхронизация наблюдается в случаях, когда в качестве адресанта выступает автор какого-либо письменного речевого произведения (художественного, научного, публицистического), в качестве адресата – читатель, а в качестве речевого сегмента – конкретное произведение. За тот или иной отрезок времени (с момента опубликования до прочтения пройдет какой угодно срок, иногда это века) может произойти переосмысление ценностей, истин, проблем, путей решения кризисных ситуаций в обществе. И реакция, на которую изначально рассчитывал автор, окажется совсем иной. Немаловажным при этом является факт отсутствия непосредственного контакта с аудиторией (читателем), когда наряду с вербальными средствами воздействия на собеседника используются невербальные.

4) Эмоциональным состоянием коммуникантов, что может привести к тому, что адресант не вполне последовательно и логично изложит свои мысли, из-за чего семантическая и формально-грамматическая структура предложения оказывается нарушенной.

Не без боязни вошел я на парадное крыльцо, у которого стоял швейцар с булавой.

Я спросил его – дома ли?

– Кого вам надо? Генеральский сын дома, – сказал мне швейцар.

– А сам генерал? – спросил я храбро.

– Надо доложить. Как прикажете? – сказал швейцар и позвонил (Л.Н. Толстой. Юность, XX).

В. Гумбольдт и А.А. Потебня считали, что всякое понимание складывается из объективного и субъективного, «никто не понимает слово в точности так, как другой», «непонимание и несогласие проявляются в той мере, в какой «каждый человек обладает своим языком» [9]. «Понимание как тождество мысли в говорящем – иллюзия» [10].

По этой причине любое высказывание может иметь множество интерпретаций, и «любое речевое произведение в этом смысле – свернутая (виртуальная) конфликтогенная ситуация» [11].

Однако присутствие оппонента на коммуникативной оси еще не является признаком того, что он занимает активную позицию как участник диалога. Истинными адресатами можно признать только таких, «которые являются признанными участниками и к которым говорящий обращается, то есть ведет себя по отношению к ним таким образом, который заставляет предположить, что его слова предназначены специально для них и поэтому ответ ожидается в большей степени от них, чем от других признанных участников» [12].

Вместе с тем адресат находится в более жестких рамках в процессе коммуникации, так как «более ограничен в выборе положения дел для ответа, чем спрашивающий в выборе возможных миров для вопроса. Ограничения спрашивающего обусловлены преимущественно тем комплексом факторов, которые формируют личную сферу говорящего (вещную личную сферу, личное пространство и личное время говорящего). Отвечающему же, кроме существующих ограничений его собственной личной сферы, навязываются возможные миры спрашивающего, которые в той или иной мере предопределены личной сферой последнего» [13].

Для интеррогативного акта, который реализуется в диалоге, характерна некоторая эллиптичность, не замкнутость синтаксических компонентов как вопросной, так и ответной части. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что пропозициональное содержание и предварительное условие известно, в той или иной степени, обоим коммуникантам, и нет необходимости в дополнительном обосновании и моделировании этих пропозиций и условий. Внеязыковой контекст сам отбирает участников речевого акта, сам помещает их в языковую ситуацию, сам создает пропозициональные условия. Адресанту и адресату остается только отобрать необходимый набор языковых и неязыковых средств и реализовать их.

– Ну что, Грап, – сказал я Иленьке, когда он возвращался от стола, – набрались страха?

– Посмотрим, как вы, – сказал Иленька (Л.Н. Толстой. Юность, XLV).

Вдруг все встрепенулись, посмотрели на Луку Савича и разразились хохотом.

– Как это ты, Лука Савич? Ну-ка, ну, расскажи! – говорит Илья Иванович и помирает со смеху.

И все продолжают хохотать, и Илюша проснулся, и он хохочет (И. Гончаров. Обломов, 1, 9).

Особую роль в восполнении вербального эллипса играют паралингвисти-

ческие средства, смысл которых понятен каждому участнику речевого акта и которые легко расшифровываются «на основе конвенциональных значений, зафиксированных в социуме за этим знаком... В этом плане все паралингвистические средства необходимо рассматривать как способ компенсации элиминированных элементов языковой структуры» [14]:

– *Слушай, – хочешь замуж?*

Даша отвечала вопросительным длинным взглядом, не слишком, впрочем, удивленным.

– *Ты ведь меня понимаешь? Понимаешь?*

Даша кивнула головой утвердительно (Ф. Достоевский. Бесы. 2, VI).

Таким образом, успешная реализация диалога зависит не только от желания адресанта узнать о чем-то ему необходимом, но и от желания адресата дать ответ на поставленный вопрос, а также от конкретной коммуникативной ситуации, обусловленной такими экстралингвистическими факторами, как социальное положение коммуникантов, характер их отношения друг к другу, уровень развития, особенности национального менталитета, место и время коммуникативного акта.

Список литературы:

1. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М., 2003. – С. 21.
2. Сусов, И.П. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы // Прагматика и семантика синтаксических единиц: Межвуз. сб. науч. тр. – Калинин, 1984. – С. 5.
3. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1999. – С. 661.
4. Общение. Текст. Высказывание. – М., 1989. – С. 72.
5. Шведова, Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М., 1960. – С. 285.
6. Винокур, Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. – М., 2005. – С. 85.
7. Бубнова, Г.И. Письменная и устная коммуникация: Синтаксис и просодия. – М., 1991. – С. 87-88.
8. Йокояма, О.Б. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. – М., 2005. – С. 28-29.
9. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. – С. 143.
10. Потебня, А.А. Эстетика и поэтика. – М., 1976. – С. 277.
11. Голев, Н.Д. Множественность интерпретации речевых произведений как фактор коммуникативного конфликта между их автором и адресатом // Житниковские чтения VII. Диалог языков и культур в гуманитарной парадигме. – Челябинск, 2004. – С.114.
12. Кларк, Г.Г., Карлсон, Т.Б. Слушающие и речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVII. Теория речевых актов. – М., 1986. – С. 295.
13. Голубева-Монаткина, Н.И. Вопросы и ответы диалогической речи: Классификационное исследование. – М., 2004. – С. 36.
14. Колшанский, Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М., 2005. – С. 214.

A. Loginov

SPEAKER AND ADRESSEE IN A DIALOGUE

Abstract: The article deals with the role of Speaker and Addressee in a dialogue from the point of view of their parity in the process of communication as well as accomplishment or non- accomplishment of a full-fledged interrogative speech act.

Key words: Dialogue, the addressee, the sender, communications process.